

Илья Муромец (2)

Эх во той же маленькой во Галицы Великой,
Во той Корелы пребогатой
Да жила-была вдова благочестивая
Да по имени Ёмелфа Тимофеевна.
Кабы было у ей цадо милое
Да по имени Илья сын Иванович,
Да сидел-то Илеюшка на печеньки,
Он на той жо на печке на муравленке.
Кабы не было у Ильи по колен ножок,
Кабы не было у Ильи по локот ручок,
Кабы не было у Илеюшки очей ясных,
Не видел Илеюшка свету белого,
Свету белого не видел, сонца красного,
Солнца красного, добрых людей.
Много того время миновалось,
Как того прошло время тридцать лет.
Как приходит калика перехожая,
А заходит в гридню теплую,
Уж и крест ли кладёт по-писаному,
Поклон ведёт по-учёному,
Из речей калика выговариват:
«Уж здравствуй ты, Илья и сын Иванович!
Сотвори мне милостыньку душевную».
Говорит Илейко таково слово:
«Уж ты здравствуй, калика добрый молодец!
Я сижу теперь на печке на муравленке:
Кабы нет у меня по колён ножок,
Нет у меня по локот ручок,
Нет у меня очей ясных,
Не вижу я свету белого,
Не вижу я сонца красного,
Не вижу я да людей добрых.
Если видишь, то на полке сам
Ты возьми своей рукой правой».
Говорит калика таково слово:

«Уж ты ой еси, Илья и сын Иванович!
Ты сойдѣ-ко-ся со печки со муравленой,
Те не даст ли тебе Бог ноги резвые,
Те не даст ли тебе Бог руки белые,
Те не даст ли тебе Господь очи ясные,
Не ювидишь ли ты сонця красного?»
То немного время миновалось,
Вот содвинулся Илеюшка со печеньки —
Поевились у Ильи ноги резвые,
Оказались у Ильи ручки белые,
Оказались у Ильи очи ясные,
Увидел Илеюшко свету белого,
Свету белого увидел, сонце красное,
Увидел Илеюшко людей добрых.
Спустился Илеюшко со печечки муравленой,
Берёт со спици шубу енѳову,
Отдаваёт калики дѳбру молодцу.
А хотел на калику ладѳм посмотреть,
А не видел — калика из видѳ ушѳл.
(Эта калика Миколой Светым пришѳл.)
Заслышал Илья в себе силы множество,
Он приходит ко своей матери родимой:
«Уж ты ой еси, моя мати родимая,
Ты чесна вдова Ёмелфа Тимофеѳвна!
Уж дай мне-ко благословенья великого.
Захотелось мне-ка съездить в стольный Киев-град,
А захотелось себя показать, людей посмотреть,
Посмотреть солнышко Владимира».
Говорит его матушка такие рецѳ:
«Я не дам тебе благословеньица великого
Я с буйнѳй главы да со сырѳй земли:
А в город ехать — дальний путь.
Премой дорогой ехать тебе трѳ года,
Кривою дорогой ехать тридцетъ лет,
Протенут твои да молодѳ летѳ.

(Тридцатъ лет сидел нѳ печи, да тридцатъ лет ехать — вот сколько!)

А премою дорогой — есть зѳставы великия,
Есть три зѳставы великия:

Одна застава великая — есь мостики колёные,
А колёные мостики нынь по́дгнили,
Не переехать будет тебе реченок,
Утупишь своего коня доброго.
Другая есь застава великая —
А стоит тут рать-сила великая,
А не мала, не велика — сорок тысячей,
Не пройти тебе будёт, не проехать.
А третья есть застава великая —
Тут сидит Соловеюшко Рахматьевич,
Ах на трёх-де дубах да на трёх поддубах.
Зашипит Соловейко по-змеиному,
Закричит Соловейко по-звериному,
Упадёт твой конь на óкарачь».
Говорит Илья таково́ словó:
«Уж ты ой еси, моя матушка родимая!
Хошь ты дашь благословленьице — поеду я,
Хошь не дашь благословленьице — опять поеду я».
Кабы тут его горькая матушка расплакалась,
Из рецей она да выговаривала:
«Уж ты чадо моё горькое,
Ты горькое мое дитя, сладкоё!»
Не могла отбитьця от Илеюшки.
Надевала на себя кунью шубу,
На босу́ ногу башмачки надергиват,
Брала она с собой золоты́ ключи́,
Выходила она вон на улицу,
Отмыкала она всё подвалы великие,
Выносила она сбрую лошадиную,
Выводила она его коня дóброго.
Ах уздает-седлает он коня доброго,
А двенадцеть по́дпруг кладёт шол<ковых>,
А тринадцатую кладёт через хребétну кость,
Не ради басы́ — ради крепости,
А ради при́прежи лошадиныя,
Штобы не оставил его конь во чистóм поле.
А берёт палицу буевую,
Ён берёт с собой тóгой лук,
Тóгой лук с каленóй стрелой.

Не видели никто — Илья на коня ступил,
На коня ступил да в стремена вс<кочил>,
Только видели: во поле курева́ стоит,
Курева́ стоит да дым столбо́м валит.
Он ведь клал меж собой свой вели́к зало́г:
«Штобы мне до города не слезть с коня».
Уже едет Илья нынче чисты́м полем,
Ну подъехал ко тем мостикам калёным.
Заплелась трава́ во резвы́ ноги́,
И тут-то Илья остановился жо,
Из рецей же сам Илья выговариват:
«Хошь я клал меж собой вели́к зало́г,
А ведь то будет мне разрешить свой вели́к зало́г».
Он спускаться, Илья, с коня доброго
На ту на матушку на сыру́ землю.
Он уж левою рукою коня́ ведёт,
А правую рукою сыро дубьё рвёт,
Сыро дубьё-де рвёт, да он мост мостит,
Перевёл ён своего коня доброго.
Уж скоро садитца на добра́ коня́,
Поехал Илья во чисто́ поле,
Он завидел во́ поле рать великую,
Да не малу, не велику — ровно сорок тысяч.
Сосчитал он всех людей до единого,
Не оставил ни единого не счислёного.
(Сорок тысяч человек было, а всех сосчитал!)
Подъезжает Илья ко этой ко силе великой:
«Уж вы здравствуйте, удалы добры молодцы,
Уж сорок тысяч удалых молодцев!
Укажите мне дорожку препопутнею,
Препопутнею и премоезжую».
Не могли они указать дорожки препопутнейей,
Ёни взяли Илью кругом себе,
Стали Ильюшку поширгивать,
Стали Ильюшку ведь подёргивать.
(Побеждать хотят!)
Кабы тут Илейке за беду́ стало,
За великую досаду показалосе,
Кабы взял он палицу буёвую,

Сколько он бьёт палицей буёвой,
А вдвое-втрое топчет своим конём —
Победил ён всю рать великую,
Не оставил в живых ни единого.
Оттуль-то Ильюшка поворот даёт.
А завидел он в полюшке Соловьюшка
На трёх дубах, на трёх пódдубьях.
А зашипел Соловейко по-змеиному,
А заревел Соловей по-звериному, —
Как упал у Ильи конь набкарачь.
Как хватил Илья в руки палицу буёвую,
Начал бить коня по тужим ребрам:
«Ах ты волчья же сыт, травеной мешок!
Неужели не слышал ты крику звериного,
Не слышал ты свис<т>у змеиного?»
Соскочил его конь на резвы́ ноги.
А берёт Илья в руки свой, право, тугой лук,
Берёт тугой лук правой рукой,
Натегает у туга лука верёвочку,
Накладывает каленую стрелу,
Ко стрелы Илья да приговариват:
«Ты лети, моя стрела да всё калёная,
Не падай ни на землю, ни на воду,
Розлетись Соловюшку во правой шар!»
Полетела стрела, как люта́ змея,
Она не пала ни на землю, ни на воду,
Розлетелась <Соловюшку во правой шар>,
Роздробила <его> всю буйну голову.
А подъехал Илья сын Иванович,
Кабы скоро хватил Соловюшка,
Привезал Соловюшка к добру коню,
Привезал коню под брюшицу.
Поехал Илья сын Иванович во чисто поле.
(Долго поётця — скоро скажется! Уже третей год едет.)
Не много время миновалось —
Завидел Илья: во поле терем стоит.
Во этом терему великом сидели его деточки родимые.
У этого Соловюшка Рахматьева
Кабы была любимá семья,

Любимá семья да дети малые.
Старша дочь в окно бросíлася:
«Татушка едет — мужика везёт».
А друга дочь бросíлася в окошечко,
Тоже говорит:
«Татушка едет — мужика везёт»,
А мáла дочь бросíлася в окошечко:
«А мужик-от едет — отца везёт».
(Близко стало — так видит.)
Побежали эти дочери во чистó поле:
Старшая дочь бежит с мутóвкой,
А вторая дочь бежит с поварёнкою,
А кабы мáла дочь бежит — она ковш тащít.
Тут сидит Илья да усмехаетца.
Говорит Соловеюшко Р<ахматьеви>ч:
«Уж вы ой еси, мои дети любимые!
Не дразните юдала добра молодца,
Вы катите-ко сороковку красна золота,
Откупите у его отца-родителя».
Он на то, Илья, не ослышался,
Отворачиват коня как лютым зверём,
Едет Илья во чистó поле.
(Долго п<оетця>, скоро ск<азываетця>!)
Приеждяет Илейко в стольней Киев-град
Ко тому ко солнышку Владимиру.
Оставляет своего коня на улице,
Заходит ко солнышку Владимиру во свётлые покои,
Крест-от кладёт по-пи<сáному>,
Он поклон-от ведёт по-учёному,
Из речей Илья да выговариват:
«Уж здраствуй, солнышко Владимир-князь,
Ты Владимир-князь да стольне-киевский!»
Говорит солнышко Владимир-князь:
«Уж здраствуй, Илья сын Иванович!»
Собирает князь пир великий
Для того Ильи сына Ивановича,
Говорит В<ладымы>ыр таковó словó:
«Уж ты ой, Илья сын Иванович!
Ты позволь завести нонь Соловеюшка,

Завести во грини светлые».

Илья и говорит:

«Заводите вы в светлые светлицы».

Из речей Владимир выговариват:

«Уж вы ой еси, слуги верные!

Вы идите на крылечушко на прекрасной,

Заводите Соловеюшка Рахматьевича

Во мои покои во светлые».

На это слуги не ослушились,

Как выходят на крылечушко прекрасной,

Но не смеют спуститьца на сыру землю.

Из речей эти слуги выговариват:

«Уж ты ой еси, Соловеюшко Рахматьевич!

Как просил тебя солнышко Владимир-князь

Как во свою во светлую ночь светлицу».

(Сами не смеют подойти!)

Отвещает ноне Соловеюшко Рахматьевич:

«Я не царьско ночь пью-кушаю,

Не Владымыра ныне слушаю.

Уж я пью-ем-кушаю Илеюшки,

А Ивановича я ночь и слушаю».

Отнесли эти слуги слова царю:

«Пью-кушаю Илеюшки,

А Ивановича ночь и слушаю».

Говорит царь таковó словó:

«Уж ты ой еси, Илеюшка Иванович!

Заводи ты Соловеюшка Рахматьевича

Во те во грини светлые».

Тогда Илья вышел вон на юлицу,

Он заводит Соловеюшка Рахматьевича.

Говорит Владимир таковó словó:

«Уж ты ой еси, Соловей Рахматьевич!

Засвисти, Соловеюшко, по-соловьиному,

Закричи, Соловей, по-змеиному».

Говорит Соловейко таковó словó:

«Не твоё я ем-пью-кушаю,

А не Владымыра-солнышка и-де слушаю,

Пью-де ем-кушаю Ильи Ивановича,

И его слушаю».

Говорит Владимир таковó словó:
«Уж ты ой еси, Илья сын Иванович!
Уж ты позволъ-ко спеть Соловеюшку».
На то Илеюшко не ёслышился,
Говорит Илья сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Соловей Рахматьевич!
Вполовину засвисти по-соловьиному,
Вполовину засвисти по-змеиному,
Вполовину зареви по-звериному».
Не послушался Соловеюшко хозяина,
Зашипел-заревел Соловеюшко во всю прыть.
Испужались вси гости,
Кабы все упали, как бубнó лежат.
Тогда Илеюшко рассёрдилса,
Вывел Соловеюшка Рахматьевича вон на улицу,
Бросил Соловеюшку о сырú землю́,
Тут Соловеюшку смерть случилася.

(Тут и конецъ. А девки-ти обратно укатили то золото. Хотели откупить, да не могли.)

(Зап. Астаховой А. М.: 25 июля 1929 г., д. Великая Виска, Ненецкого нац. округа — от Дитятевой Прасковьи Ивановны, 69 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.